Irena Merano

Нарисуй мне Бурю

РОМАНТИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ

16+

Irena Merano
Нарисуй мне бурю

https://litres.ru/74742164
SelfPub; 2026

Аннотация

Она украла грозу. Он должен был её остановить. Но никто не предупредил их, что самая опасная стихия — любовь.

В мире, где богатые покупают солнечные дни, а бедные умоляют о капле дождя, Сиена решается на невозможное — украсть грозу и подарить людям свободу.

Но дерзкая кража оборачивается ловушкой. Кто-то давно ждал её появления. Кто-то управляет магией, о которой запрещено даже говорить.

И теперь рядом с ней мужчина, способный уничтожить любое волшебство. Опасный, притягательный и совершенно не тот, кому стоит доверять своё сердце.

Между ними вспыхивает страсть, способная изменить законы магии. Но чем сильнее их чувства, тем ближе катастрофа.

Кто подстроил их встречу? Почему гроза выбрала именно Сиену? И что произойдёт, когда два сердца завершат рисунок, который никогда не должен был ожить?

Некоторые бури нельзя остановить. Особенно если они рождаются из любви.

Irena Merano
Нарисуй мне бурю

Глава 1

Первым на аукционе продали звук дождя.

Три минуты по черепице, два удара по водосточной трубе и тихое, почти человеческое облегчение земли, в которую наконец проникла вода. Колокольчик с записанным дождём был величиной с детский кулак. Когда госпожа Восс ударила по нему серебряной палочкой, по залу прошёл запах сырого камня, хотя пахнуть звуку не полагалось.

Сиена Каделли невольно закрыла глаза. На миг ей показалось, что она стоит на крыльце мастерской, босиком, и первые капли попадают ей на ступни.

Потом колокольчик умолк.

— Три минуты, — с благоговением произнесла аукционистка. — Подлинный дождь над южными крышами Ауретты. Ни одна нота не повторена дважды.

Сухой четвёртый удар прозвучал, когда она уже опускала палочку.

В зале никто не вздрогнул. Сиена оглянулась, уверенная, что сейчас кто-нибудь начнёт задавать вопросы. Но дамы переговаривались, мужчины улыбались, а старик в первом ря-

ду вытирал уголки глаз платком.

На фарфоровом боку проступила тонкая белая черта: незамкнутый овал, словно кто-то хотел нарисовать петлю и передумал за миг до последнего мазка.

Сиена едва удержалась, чтобы не подойти ближе.

Она знала три способа заставить рисунок двигаться, семь — заставить его молчать и ни одного — создать линию без краски. Но черта на колокольчике была не царапиной. Она светилась там, где на фарфор падала тень.

Аукционистка накрыла лот бархатом. Неправильный знак исчез.

— Шесть тысяч солнечных марок! — объявил кто-то.

Сиена едва не присвистнула. Столько стоил год работы её мастерской и ещё один — если работать по воскресеньям.

— Чудовищно, — прошептала женщина рядом.

— Именно, — не выдержала Сиена.

— Видите этот футляр? — продолжала соседка. — К такому дождю подобрали совершенно неприличный розовый бархат.

Сиена отвернулась, пока не наговорила лишнего.

Дом Семи Террас плыл над морем так непринуждённо, будто никогда не слышал слова «тяжесть». Под стеклянным полом скользили огни портовых лодок. Золотые нарисованные ручьи текли по колоннам без единой капли настоящей воды; их прохлада обходилась хозяевам дешевле живого источника. С потолка время от времени срывались бумажные

созвездия, а жемчужные рыбы из оркестровой фрески кривлялись скрипачам, если те фальшивили.

На запястьях гостей горели тонкие золотые знаки: подтверждение оплаченного ясного неба. Так отмечали право использовать погодный рисунок, и всё городское волшебство, вплоть до воздушных опор, опиралось на чью-то подпись и чью-то собственность.

В другой вечер Сиена влюбилась бы в половину этих безобразий.

Сегодня всё красивое здесь казалось ей украденным у кого-то, кто не мог позволить себе красоту.

За сто двадцать миль к северу лежал Серраве. Сто шестнадцать дней без дождя. Сиена знала число наизусть и больше никогда не собиралась его забывать. Ей прислали письмо от местных художников, вложив между страниц сухой лист винограда. Под листом неровными буквами было выведено: «Он был зелёный». Ни подписи, ни просьбы спасти мир — только уточнение, каким лист был прежде.

В её запертой мастерской год висело незаконченное полотно: два синих русла по краям и пустое, ничем не заполненное пространство между ними. Сиена назвала его «Небо без владельца» и безуспешно пыталась придумать рисунок, который позволил бы дождю идти туда, где он нужен, без покупки и печати. Она так и не нашла последнего мазка.

Сиена взяла с собой сухой лист. Он лежал за подкладкой лифа, рядом с планом здания и тремя крошечными ампула-

ми краски. Если план сработает, через несколько часов над Серраве пройдёт гроза. Если нет — её выведут отсюда в наручниках, в великолепном тёмно-алом платье, которое она арендовала на два дня.

Платье она собиралась вернуть целым.

Карта здания попала к ней месяц назад без имени отправителя. На ней были точно указаны направления ветра, аварийный сток и едва различимый обходной контур постамента, на котором выставляли погодные лоты. Сиена дважды проверила цифры. Всё совпало. Это её и беспокоило: бесплатные схемы обычно лгали либо на первой странице, либо на последней.

Но времени разыскивать отправителя не было.

— Вы удивительно внимательно смотрите на потолок, синьора.

Мужчина у перил произнёс это так, словно они продолжали разговор, начатый много лет назад.

Он был высок, одет в тёмно-синий сюртук без парадной россыпи драгоценностей и держал бокал, из которого явно не пил. У него были спокойные глаза человека, умеющего находить трещины в вещах, прежде чем те расколются. На правом указательном пальце осталась тонкая полоска настоящей золотой краски. Не украшение — след работы.

— Потолок мне понравился, — ответила Сиена. — Пытаюсь понять, сколько стоит весь целиком.

— Зависит от того, сколько людей стоит под ним.

— Какая невыгодная единица измерения.

— Зато почти всегда оказывается правильной.

По прозрачному куполу проплыла нарисованная комета. Она на мгновение изменила направление, словно прислушиваясь к их разговору, и уплыла дальше.

— Вы служите в Палате погоды? — спросила Сиена.

— Иногда. По большей части я разбираюсь с последствиями тех, кто служит ей слишком усердно.

— Специалист по неприятностям?

— По их весу.

— И тяжёлые неприятности часто падают с неба?

— Сегодня надеюсь обойтись без них.

Сиена заметила, как он посмотрел на её перчатку. На внутренней стороне большого пальца оставалась синяя пыль, которую никакая мыльная вода не брала до тех пор, пока художник не закончит работу.

— Вы пишете водой, — сказал он.

Она вскинула подбородок.

— А вы слишком внимательно рассматриваете дамские руки.

— Только когда вижу на них след незаконной смеси.

Улыбка у него была едва заметная, почти досадная — словно он сам не планировал эту беседу и уже немного жалел, что она его забавляет.

— Тогда вам не следует стоять рядом со мной, — ответила Сиена.

— Именно это я и собирался предложить вам: отойдите от центрального постамента.

Он сказал это без угрозы. Оттого слова прозвучали хуже, чем приказ.

— Почему?

Мужчина проследил за взглядом Сиены, обернулся на служебную дверь и не ответил сразу.

— Потому что сегодня там слишком тщательно всё подготовили.

Его позвал распорядитель с тонкой чертёжной пластиной. Незнакомец извинился и ушёл, но Сиена успела заметить на схеме короткую белую дугу, повторявшую черту на колокольчике.

Она впервые за вечер подумала не о краже.

А о том, что, возможно, её уже ждут.

✦

В девять музыка оборвалась посреди вальса. На поднявшемся из пола постаменте появился стеклянный колпак, внутри которого жила гроза.

Пятьдесят две минуты ветра, воды и грома поместились в сосуде размером с арбуз. Молния то и дело ударяла о собственные границы и расползалась по стеклу жилками льда. Облако меняло форму не по воле аукционистки: то притворялось маленьким белым барашком, то собиралось в угрюмый кулак.

— Лот сорок седьмой, — торжественно объявила госпо-

жа Восс. — Полные права на грозу над заливом Орель. Покупатель выбирает время и место её выпуска. Подлинность подтверждена Палатой погоды.

Сиена едва удержалась, чтобы не сказать вслух: «А у самой грозы кто-нибудь спросил?»

Всё в природе имело сопротивление. Прежде чем заставить ветер идти на юг, его следовало понять, а потом предложить ему дорогу, по которой он действительно мог пройти. Алый пигмент менял силу движения. Синий показывал путь воде. Золото закрепляло нарисованную связь с реальной опорой. Ничего не возникало из пустоты — волшебство только перераспределяло уже существующее. И за каждым красивым изменением обязательно оставалось второе, не такое заметное место, где что-то убыло.

На этом держалась погода Ауретты.

Над богатым садом заказывали солнце. Где-то за его пределами становилось холоднее.

— Начальная цена — восемь тысяч марок.

Сиена встала вместе с желающими осмотреть колпак. По приглашению синьоры Белларди, которое она нарисовала собственноручно, её пропустили без возражений. Защитные круги на постаменте шли один под другим, как годичные кольца дерева.

Три замка. Двенадцать соединений. Под нижним — золотая линия аварийного стока. Всё как на присланной схеме.

Почти.

Неподалёку стояла женщина в серебряной маске. Её платье не отражалось в полированном полу, хотя ноги отбрасывали тень. Сиена заметила это лишь потому, что искала глазами ближайший выход.

Женщина чуть повернула голову.

Внутри колпака маленькая гроза повернулась вместе с ней.

— Двадцать тысяч, — произнесла незнакомка.

Аукционистка отозвалась прежде, чем успела опуститься рука с табличкой:

— Двадцать тысяч впервые!

В отражении колпака серебряная маска была мокрой.

Сиена отвела взгляд. Её сердце ударило слишком громко.

Пора.

Сиена приподняла край колпака ровно настолько, чтобы кончик спрятанной кисти коснулся нижнего круга. Тонкая синяя дуга легла на металл. Алый штрих указал ей направление — прочь от зала, к настоящему ветру над бухтой.

Она успела подумать, что всё получилось на удивление просто.

И тут колпак запотел изнутри.

На стекле проступило крохотное изображение детской ладони. Пять мокрых отпечатков, будто кто-то приложил руку изнутри. Кисть Сиены не двигалась. Никакой художник в зале не мог добраться туда через защиту.

Детская ладонь медленно стёрла её синюю дугу.

Сиена замерла.

А вместо дуги нарисовала собственную: белую, незамкнутую.

— Двадцать тысяч дважды, — сказала Восс.

Сиена отпрянула, но было поздно. Алый пигмент потянулся к белому так жадно, словно две линии узнавали друг друга.

В стекле что-то щёлкнуло.

Пятьдесят две капли поднялись над колпаком, выстроились в неровную цепь и на одно мгновение замерли. Сиена по привычке сосчитала их: первая, вторая, третья…

Первые семь развернулись остриями к потолку.

Остальные сорок пять — к стене, на которой висела большая картина с морским закатом.

— Третий… — начала Восс.

Из колпака донёсся голос.

— Не продавайте, — сказал он.

Голос был детский и очень спокойный, будто ребёнок устал повторять просьбу.

Тогда капли разошлись в разные стороны.

Семь устремились вверх, и дождь обрушился на потолок снизу. Сорок пять вошли в закатную картину, как в воду, и исчезли. На полотне на миг открылось чужое место: не море, а растрескавшаяся сухая площадь, человек с пустым кувшином, виноградные лозы с облетевшими листьями. Затем всё

снова стало нарисованным закатом.

— Замечательное зрелище! — восторженно объявил кто-то.

Сиена почувствовала, как её охватывает ужас.

Она не посылала капли в картину.

И уж точно не рисовала ребёнка внутри стекла.

— Лот сорок седьмой… — повторила аукционистка.

Но купол отозвался ей четвёртым ударом невидимого колокольчика.

Драгоценные рыбки сорвались со своих нарисованных волн. Их чешуя, ещё недавно жемчужная, стала белым порошком; рыбки превращались в беспорядочные мазки и бились о стены. Искусственные ручьи на колоннах перестали давать прохладу. Одновременно погасли сотни золотых линий в полу — не декоративные, а несущие, благодаря которым террасы висели над морем.

Один гость засмеялся. Под ним треснул стеклянный квадрат.

Сиена успела схватить его за локоть. Мужчина был так тяжёл, что они оба сели на пол. Внизу между трещинами мерцали огни порта, похожие на рассыпанные монеты.

— Вы что творите? — закричал он.

— Спасаю вас от долгого падения. Не мешайте.

Где-то у кухни ударили в двери. Обратный дождь шёл по колоннам, выбивая из золотой краски слой за слоем, словно смывая с здания чью-то тщательно нарисованную уверен-

ность.

Капли падали вверх. Но ещё страшнее было другое: на каждом мокром стекле проступало чужое небо.

В одной оконной раме стояла белая сухая жара. В другой над невидимым полем кружил пепел. В третьей виднелось такое синее небо, какого Сиена никогда не видела над Ауреттой. Каждое отражение было на миг живым; потом его перехватывал новый слой воды.

Дождь словно показывал все места, мимо которых его когда-то увели.

— Сколько там людей? — спросил мужчина за её спиной.

Сиена подняла голову.

Незнакомец у перил стоял на расколотом краю галереи. В руке у него был металлический футляр с белым стирающим мелом. Он смотрел не на неё, а на запертую стеклянную дверь над залом. За дверью били ладонями по прозрачной перегородке трое работников кухни.

— Трое, — ответила Сиена.

— Четверо. Один ниже, за лестницей.

Он заметил то, чего не заметила она.

— Постамент связан с опорами, — сказала Сиена. — В нём был чужой белый штрих. Если стереть его целиком, терраса рухнет.

Мужчина посмотрел на неё так резко, будто наконец услышал знакомое слово.

— Вы видели белый?

— Он сам появился на стекле.

— Тогда не прикасайтесь к нему.

Купол содрогнулся. В воздухе раскрылась длинная вертикальная трещина, и с верхнего яруса посыпалась сухая штукатурка.

— Нам осталось примерно шесть минут, — сказал незнакомец.

— Вы всегда объявляете это так спокойно?

— Только когда счёт идёт на минуты. На секунды у меня голос хуже.

Он протянул ей руку, чтобы помочь подняться, и тут Сиена заметила на его запястье ожог, похожий на старую золотую линию, которую пытались стереть слишком поздно.

— Вы Эверт? — выдохнула она.

Мужчина чуть скривился.

— Лоран. Фамилию оставим для разбирательства.

Лоран Эверт. Капитан небесного флота, мастер стирания, однажды посадивший повреждённый грузовой остров в море вместо того, чтобы позволить ему упасть на порт. Сиена изучала этот случай по обрывкам газет и ненавидела его результат: несколько деревень лишились погоды, когда он сбросил нагрузку на нижние воздушные потоки.

Но тот остров не рухнул.

— Я думала, вы на другой стороне, — сказала она.

— Здесь все на одной стороне стекла. Пока оно держится.

Сиена посмотрела на двери кухни. За ними один из ра-

ботников старался удержать на ногах мальчика в форменном жилете. Он был слишком маленький для ночной смены. Сиена вдруг вспомнила Серраве и засохший виноградный лист: «Он был зелёный».

— Я могу вывести воду к аварийному стоку, — сказала она. — Но линия пойдёт по внешней галерее.

— Она треснула.

— Знаю.

— И северный ветер усилится через минуту.

— Знаю.

Лоран убрал футляр с мелом в карман.

— Значит, мы оба в курсе, что это ужасная идея. Ведите.

— А дети?

— Я открою кухню. Вы придумаете, как удержать стекло.

Он не обещал, что всё получится.

Сиена впервые за вечер поверила человеку без обещаний.

✦

По служебной лестнице текла вода, только не вниз, а прямо навстречу бегущим. Несколько шагов приходилось делать с закрытым ртом: поднимающиеся капли пытались забиться в нос и уши. За стеклянной стеной огни города светились так мирно, что Сиена почти возненавидела их.

На площадке Лоран приложил белый мел к дверному шву. Он не стал стирать весь защитный рисунок — вычеркнул лишь один поворот, прижав ладонь к стеклу, пока металл успевал остыть. Дверь раскрылась наружу.

Мальчик, державшийся за ручку, чуть не упал ему под ноги.

— На лестницу! — велел Лоран. — И держитесь друг за друга за локти, не за руки. Если потянет вверх, так крепче.

Он говорил так, будто давал инструкцию, как пройти по мокрой мостовой. Люди подчинились.

За стеклом осталась молодая посудомойка. Её ногу зажало перевёрнутой тележкой. Когда Лоран двинулся к ней, он остановился — невидимая струя тянула тележку к куполу, и стоило поднять её, как девушка взлетела бы вместе с водой.

— Я задержу поток, — сказала Сиена.

— У вас осталось сколько алого?

— На два мазка. Если не дрожать.

— Тогда лучше не дрожите.

— Чрезвычайно полезный совет, капитан.

Она обмакнула кисть и вывела два коротких, грубых штриха прямо на мокром стекле. Отпечаток не был красив. Пигмент лёг неровно, с рваными краями. Но сама вода на миг застыла, удерживаемая не волей художницы, а внезапно изменённой скоростью.

Лоран поднял тележку. Девушка выдернула ногу и упала ему на грудь. Он вытолкнул её к лестнице.

— Бегите!

Алый штрих побледнел. Капли зашевелились.

— Ещё один? — спросил Лоран.

— Нет.

Сиена с ужасом увидела: последние частицы краски ушли в белую петлю, проступавшую под слоем золотого лака. Не просто в опоры. Белая линия как будто собирала её действия, запоминала каждое движение кисти.

— Она учится, — сказала Сиена.

— Кто?

Сиена не ответила. Она ещё сама не знала, к кому относится это слово.

Снаружи ветер пах мокрой солью и горячим железом. Вдоль стены Дома Семи Террас тянулась прозрачная река — весь дождь, который должен был упасть на землю, шёл по камню вверх, к удерживающим линиям купола.

Сиена упала перед аварийным сливом на колени. Под пальцами холодил треснувший камень. На учебной схеме сток изображали одной уверенной синей дугой. На деле это были проржавевшие скобы, зазор в стекле и ветер, который менял направление каждые несколько ударов сердца.

Ни один преподаватель никогда не рисовал аварийный сток в настоящую грозу. Сиена подумала, что это было с их стороны предусмотрительно.

Она открыла вторую синюю ампулу.

Точность, не сила. Дождю нужен путь, а не приказ.

Первый мазок лёг вдоль старой щели. Капли склонились к нему. Второй обозначил поворот к морю. Воздушная река дёрнулась, как живое существо, которому указывают на

дверь, и часть воды наконец потекла вниз.

Изнутри здания донеслось облегчённое «ах».

Сиена почти улыбнулась.

Но в этот момент в наружной стене проступил белый незамкнутый овал.

Не на камне. Под ним.

Он был похож на букву, которую кто-то держит на языке и не может выговорить.

Вода разделилась. Одна часть последовала за новым синим руслом, другая поползла обратно к залу. Белая петля повторила Сиенин поворот с невозможной точностью. Словно невидимая рука изучила только что нанесённый мазок и тут же нарисовала его с изнанки.

— Эверт! — закричала Сиена. — Мне нужен ваш мел!

Лоран появился в проломе стекла, мокрый и бледный. Одним взглядом он оценил треснувший сток, потоки и петлю.

— Если стереть её целиком, купол лишится опоры.

— Не целиком. Только тот участок, где она повторяет мою линию.

— Тогда вы потеряете и своё русло.

— Не если я успею его переместить.

Лоран вытащил мел.

— Во что?

Сиена посмотрела на залитую водой внешнюю галерею, на исцарапанный стеклянный слив, на своё отражение, рваное и бесцветное.

Она вспомнила незаконченный холст в запертой мастерской. Два синих русла по краям. Между ними — белое, ничем не закрашенное пространство. Годами ей казалось, что этого места не хватает в картине. Сейчас впервые пришла иная мысль: что, если именно оно и было главным?

— В промежуток, — сказала она.

— Какой?

— Между дорогами. Не будем указывать дождю, куда идти. Освободим место, где он сможет выбрать.

— Это не работающий принцип.

— По учебникам — нет.

— Сиена, если вы ошиблись…

— Люди под нами всё равно упадут. Дайте мне десять секунд.

Лоран сжал мел так, что тот хрустнул.

— Семь, — сказал он. — Остальные три я потрачу на выход.

Она хотела возразить, но ему уже нечего было объяснять.

Сиена провела ногтем по ещё не закрепившемуся синему пигменту, сдвигая его с края стока. Вместо замкнутого русла получились две неровные линии, между которыми оставался узкий просвет. Сама вода на мгновение испугала её — она зашевелилась, как будто сопротивляясь отсутствию прямого приказа.

На третьей секунде белая петля начала копировать рисунок.

На четвёртой Лоран приложил мел к тому месту, где копия касалась настоящей краски.

На пятой белая линия не исчезла.

Она схватилась за его запястье.

По коже обоих пробежало холодное ощущение, будто они одновременно коснулись снега, упавшего посреди лета. Из-за плотных облаков не могло быть видно ни одной звезды — и всё же между их руками вспыхнула крошечная белая искра.

Сиена хотела отшатнуться, но Лоран крепче удержал мел. Не её руку — собственное движение. И сделал то, чего никто не делал на её глазах: не стёр краску, а разорвал связь между двумя одинаковыми рисунками.

Тоньше волоса.

Вода остановилась.

Не зависла послушно — остановилась вся, как останавливается музыкант перед последней нотой. Сиена вдруг услышала множество мелких звуков: плеск посуды на кухне, кашель мальчика, стук чужого каблука по лестнице, работу сердца у себя в груди.

А затем гроза выбрала.

Она не пошла в Серраве.

Она не вернулась в колпак.

Семь минут дождя обрушились в море, пройдя мимо аварийного стока, словно нашли щель, которой не существовало до их вмешательства. Лоран сорвал с верхней опоры оста-

ток повреждённой золотой связи; купол дрогнул, просел на ладонь и остался висеть.

Внизу люди закричали — уже от облегчения.

По заливу разошлись круги. На один короткий миг каждая волна светилась цветом, которого не было в палитре ни одного художника Ауретты: не белым и не золотым, а цветом самого пространства между ними.

Сиена не смогла бы повторить этот оттенок, даже если бы у неё было сто лет и все краски мира.

Когда свет погас, она обнаружила, что всё ещё держит Лорана за запястье.

— Вы можете отпустить, — произнёс он.

— Могу.

— Тогда почему не отпускаете?

Она посмотрела на его руку. Между пальцами по-прежнему мерцало крошечное белое зерно света. Оно погасло, когда Сиена разжала ладонь.

— Проверяла, живы ли мы, — сказала она.

— И каковы результаты?

— Вы ужасно разговорчивы для человека, которого чуть не размазало по морю.

Он коротко рассмеялся. Смех показался ей неуместно приятным.

Сиена отвернулась первой.

— Вы видели, как она повторила линию?

— Видел.

— А чей был детский голос?

— Не знаю.

Он не произнёс «вам показалось». И за это Сиена была готова простить ему половину раздражающих замечаний.

Внутри дома кто-то начал аплодировать. Несколько дам решили, что катастрофа была частью роскошного представления. Поварёнок, которого они спасли, заплакал на лестнице, потому что никак не мог найти второй ботинок.

Сиена подошла к нему, присела, помогла справиться с дыханием. Мальчик на секунду вцепился ей в воротник.

— Я думал, нас не выпустят, — сказал он.

— Мы тоже так думали, — ответила Сиена.

— Но вы нас выпустили.

Он отпустил платье, оставив на дорогом шёлке чёрный отпечаток мокрой ладони. Сиена не стала его стирать.

Она обещала себе вернуть платье целым. Теперь это казалось особенно глупым обещанием.

✦

Госпожа Восс вышла к ним с двумя стражниками и сухой папкой. На её серебряной юбке не было ни одного пятна. Сиена смотрела на это дольше, чем следовало. В зале пострадали фрески, дорогие столы и несколько человеческих жизней едва не оборвались, а хозяйка аукциона сумела сохранить сухое платье.

— Капитан Эверт, — сказала Восс. — Мне нужен ваш рапорт о повреждении сорок седьмого лота.

— Вам нужен врач для работников кухни, — ответил он. — А затем мастер, который проверит все опоры.

— Разумеется. Но сначала — имущество Палаты.

— В первую очередь — люди.

Восс впервые посмотрела на Лорана без положенной любезности.

— Мы оба знаем, кому принадлежит это здание, капитан.

— А я знаю, на кого оно почти упало.

Сиена не стала вмешиваться. Перед глазами у неё всё ещё стояли сорок пять капель, ушедших в картину с закатом. Капли исчезли так легко, что никто, кроме неё, не заметил их ухода.

— Где покупательница в серебряной маске? — спросила она.

Восс повернулась к ней.

— Какая покупательница?

— Та, что предложила двадцать тысяч.

— Последняя ставка была шестнадцать.

— Я слышала сумму собственными ушами.

— Тогда вы могли бы подтвердить её в реестре, если бы она действительно прозвучала.

Она открыла папку. Строка сорок седьмого лота заканчивалась на шестнадцати тысячах. Ниже был чистый лист. Не зачёркнутый и не исправленный — гладкий, нетронутый. Сиена провела ногтем по краю, надеясь на выступы стёртой краски, но бумага словно никогда не принимала новых чер-

нил.

— Ваша ставка исчезла, — сказал Лоран тихо.

— Не моя.

— Именно поэтому я и беспокоюсь.

Восс коротко закрыла папку.

— Синьора Каделли, мне известно, под каким именем вы вошли. Я посоветую вам не усугублять положение.

Сиена почувствовала укол холода. Настоящее имя она не называла хозяйке аукциона.

— Откуда вы…

— У нас отличная служба безопасности. Иногда даже чрезмерно старательная.

Восс велела стражникам сопроводить Сиену к выходу. Лоран встал между ними, но не заслонил её собой, а обратился к обоим как к подчинённым:

— Свидетельница неисправности центрального контура идёт со мной. Вся ответственность на мне. Папку сохраните под двойной печатью.

— Вы не имеете права… — начала Восс.

— Я имею право задержать любое разбирательство, пока не подтверждена безопасность воздушной опоры. И, как вы заметили, сегодня это право мне пригодилось.

Он взял Сиену за локоть — не удерживая, а показывая путь к выходу.

Восс улыбнулась так холодно, что Сиене захотелось найти на её лице маленькую трещину и узнать, какая краска про-

ступит из-под неё.

— В таком случае вам обоим придётся отвечать за доставку, — сказала она.

— Какую доставку? — спросила Сиена.

— Зерна, разумеется. Сорок седьмой лот обеспечивал сделку с Серраве. Город уступил право на последнюю гарантированную грозу сезона в обмен на муку и посевное зерно. Деньги за лот должны были пойти поставщику. Без завершённого аукциона поставки не будет.

Сиена не сразу поняла смысл слов.

В Серраве продали не чужой дождь, который богачи купили для собственного сада. Серраве уже заложил собственное право на будущую воду, чтобы дожить до следующего урожая.

А она украла предмет залога.

— Но они… — начала Сиена, и слова иссякли. — Они просили дождя.

— Конечно. Каждый просит того, чего у него нет, — ответила Восс. — Но расписку подписывают за то, что у него ещё осталось.

Сиена вспомнила сухой лист винограда. «Он был зелёный». У неё перехватило горло.

Она хотела сделать добро — и лишила голодных людей поставки зерна. Зал снова стал тихим, хотя в нём гудели испуганные голоса и громко работали восстановительные команды.

— Документы покажете, — сказал Лоран.

Восс подняла бровь.

— Разумеется. Если они не промокли.

Затем ушла.

Сиена долго смотрела ей вслед. Её пальцы дрожали, но не от страха перед арестом.

— Не утешайте, — сказала она Лорану. — Я знаю, что натворила.

— Я пока не знаю, — ответил он. — Потому что в этом вечере нет ни одной детали, которая ведёт себя правильно.

Она посмотрела на него.

— Вы собираетесь меня оправдывать?

— Нет. Вы украли чужую погоду. И едва не погубили людей. Но я хочу понять, кто приготовил вам для этого правильный ключ.

Впервые за вечер ей захотелось рассказать правду целиком.

Она рассказала про письмо, засохший лист, три ампулы и схему здания, присланную неизвестным. Лоран слушал, не перебивая. Когда она упомянула белый обходной контур, его лицо посерьёзнело.

— Сегодня утром мне доставили приказ явиться в Дом Семи Террас, — сказал он. — Мой корабль должен был находиться в другом конце залива. Приказ был заверен золотой печатью Палаты.

— И вы пошли, потому что вас позвали?

— Потому что в приказе говорилось о трещине в несущем рисунке. Я не люблю проверять такие сведения на опыте людей, которые стоят под крышей.

— Нас обоих привели сюда.

— Возможно.

Они стояли на площадке над морем. Снизу поднимался холодный воздух, пахнущий первой настоящей грозой за весь вечер.

Сиена развернула промокшую схему. Бумага была покрыта тонкими белыми волокнами. Возле постамента линия, раньше казавшаяся обрывочной, разветвлялась на две: алый нажим кисти и короткий белый штрих стирания.

Лоран дотронулся до страницы. Белая линия продолжилась без кисти — прошла через её палец, затем через его, словно бумага просто записывала то, что они уже сделали.

Оба отняли руки.

— Это не план, — сказал Лоран.

— Нет.

— Он рисовал не здание.

Сиена почувствовала, как за спиной шевельнулся ветер. Она знала, что услышит дальше, и всё равно не была готова.

— Он рисовал нас, — закончил он.

— Не нас, — прошептала Сиена.

Она снова взглянула на схему. Если белая линия действительно повторяла их действия, то, когда они спасали людей

на галерее, она не могла заранее знать, что сама схватит Лорана за запястье. Но потом белый рисунок изменился — и повторил именно это движение. Карта не предсказывала события. Она записывала их вслед за ними.

Как ученик, который срисовывает движения учителя.

Воспоминание о серебряной маске заставило её выпрямиться. Женщина не отражалась в полу. Гроза поворачивалась вместе с её головой. Голос, назвавший цену, прозвучал раньше, чем у неё шевельнулись губы.

— Что, если мы ищем того, кто подстроил кражу, — сказала Сиена, — а настоящая загадка не в человеке?

Лоран молчал.

— Я видела её у постамента. Женщину в маске. Но в стекле отражалась не она. Там был дождь.

— Вы хотите сказать, гроза сделала ставку на саму себя?

— Я хочу сказать, что пока не понимаю, чего она хотела. И это пугает меня гораздо сильнее, чем чужая ловушка.

Он посмотрел в сторону аукционного зала. На мгновение показалось, что он снова собирается пошутить. Но Лоран лишь кивнул.

— Тогда не будем делать вид, что уже нашли ответ.

Сиена почувствовала к нему странную благодарность.

На мокром плане проступила новая линия. Она уходила от Дома Семи Террас не к Серраве и не к открытому морю, а к низким крышам её собственной улицы.

— Моя мастерская, — сказала Сиена.

— Почему туда?

— Там висит незаконченная картина. «Небо без владельца». Два русла по сторонам и пустое место между ними. Я хотела придумать такой рисунок, который позволил бы дождю идти без покупателя и без печати.

Лоран резко повернулся к ней.

— Вы оставили незакреплённое полотно?

— В запертой комнате. Без последнего мазка. Оно не должно было работать.

— Кто-нибудь видел его?

— Никто, кроме меня.

Они оба посмотрели на белую линию, которая уже заканчивалась на изображении её мастерской.

Никто, кроме неё. И, возможно, того, что училось рисовать без кисти.

Со стороны нижнего города донёсся глухой стук.

Первый удар.

Сиена подняла голову.

Второй.

Городские колокола не били в этот час. На море тянулся ровный ветер, уличные фонари светили спокойно, а над Серраве, если верить последним наблюдениям, по-прежнему стояла жара. Но где-то среди крыш звучал тот самый фарфоровый колокольчик, с которого начался аукцион.

Третий удар.

Над мастерской Сиены появилось не облако, а чистое бе-

лое пространство, похожее на нетронутый грунт холста. Оно повисло над крышей и медленно начало растягиваться в обе стороны. По его краям проступили две синие линии.

Сиена узнала собственный рисунок.

— Этого не может быть, — сказала она.

Её картина была в комнате, за запертой дверью, под плотной тканью. Она рисовала её на обычном льне, а не на небе. Более того, недостающую центральную линию она так и не придумала.

Но теперь её рисовал кто-то другой.

Или что-то.

Белое пространство над мастерской дрогнуло. По его поверхности прошла лёгкая рябь, как по воде от упавшей капли. Затем в нём возникли сорок пять крохотных тёмных точек.

Сиена вспомнила сорок пять капель, исчезнувших в картине с закатом.

— Они не ушли к покупателю, — сказала она. — Они пришли сюда.

Точки развернулись в маленькие облака. Не копии одной грозы: каждое было иным. В одном сквозь прозрачный дождь проглядывала зелёная полоска; другое было цвета утреннего тумана; третье на мгновение озарилось единственной серебряной молнией. Они не собирались в одну бурю, а медленно расходились в стороны — над домами, мостами, мастерскими, над лестницами, по которым спешили

рабочие поздней смены.

Сиена вдруг поняла то, что не могла понять целый год, глядя на незавершённый холст.

Она всё пыталась нарисовать огромную дорогу для дождя. Одну дорогу, которую сможет удерживать один художник. А пустое место между её линиями не требовало нового хозяина. Оно давало возможность существовать множеству дорог сразу.

— Я не рисовала это, — прошептала она.

— Значит, вы сейчас увидите, может ли рисунок продолжаться без автора, — сказал Лоран.

И тут зазвенел четвёртый удар.

Сорок пять облаков одновременно остановились над городом.

На площади внизу девочка в старом пальто подняла руки. Одно облако, размером с большую книгу, плавно спустилось к ней. Ни печати Палаты, ни разрешения покупателя — только чужая ладонь и маленький кусочек неба, который впервые не принадлежал никому.

Из облака выпала одна настоящая капля.

Девочка засмеялась.

Сиена тоже едва не рассмеялась от облегчения. Столько месяцев она пыталась придумать способ освободить дождь, а теперь он сам нашёл дорогу к человеку, который не мог купить его ни за какие деньги.

Лоран, однако, не улыбнулся.

— Сиена, — произнёс он. — Посмотрите на купол.

Светящиеся знаки оплаченного ясного неба на запястьях аукционных гостей начали гаснуть. Один за другим. Затем золото побледнело на несущих арках нижнего города.

Сиена почувствовала, как земля под ногами незаметно изменила наклон.

— Почему оно забирает и опоры? — спросила она.

— Потому что опоры тоже нарисованы как чья-то собственность, — сказал Лоран. — И если новый рисунок не различает погоду и право владеть ею…

Он не закончил.

Над морем медленно заскрипел первый подвесной мост. Никакой гром не заглушил этого звука. Скрип был страшнее молнии — знакомый, человеческий, такой, каким скрипят плохо закреплённые двери и лестницы.

Сиена в ужасе посмотрела на девочку на площади. Та ещё стояла под собственной маленькой тучей и смеялась, раскрывая ладони навстречу дождю. А за её спиной, высоко над водой, начал оседать целый квартал.

Сиена поняла: если она сейчас уничтожит облака, то вернёт купленному небу прежнюю власть. Если оставит — могут погибнуть люди, которых она хотела освободить.

Лоран протянул ей футляр с белым мелом.

— Я могу остановить распространение, — сказал он. — Но вы должны будете показать, где кончается ваш рисунок.

Сиена смотрела на сорок пять маленьких гроз. У каждой

был собственный путь. И ни у одной не было конца.

— В том-то и дело, — произнесла она. — Я его не рисовала.

Из открытого окна её запертой мастерской вылетел узкий мокрый лист бумаги. Ветер поднял его выше мостов, точно к Сиене, и лист прилип к перилам возле её руки.

Она узнала почерк. Это была копия письма из Серраве, только детская фраза изменилась.

Под нарисованным зелёным листом теперь стояло:

«Он снова зелёный. А как вернуть дождь?»

Сиена подняла глаза. Её собственный лист, спрятанный за подкладкой, оставался сухим и ломким. Кто-то ответил ей с другого конца мира — через рисунок, который она не закончила.

Мост за их спинами хрустнул. Лоран перехватил футляр с мелом, готовясь разорвать очередную опасную связь, и вдруг замер.

На белом минерале проступила синяя капля.

Сиена увидела, как она медленно пропитывает поверхность. Стирающий мел не содержал пигмента; он забирал краску из рисунка, а не отдавал её. Лоран зажмурился, словно проверяя собственное зрение, но капля уже скатилась по его пальцам, оставив на коже тонкую синюю дорожку.

— Лоран… Вы рисуете.

Он поднял глаза на сорок пять маленьких гроз, висящих над городом.

— Нет, — сказал он. — Кто-то рисует мной.

А затем его белый мел сам провёл первую линию по воздуху.

Сиена узнала изгиб. Это была вторая половина её незавершённого неба.

И теперь стереть её мог только человек, который впервые в жизни не хотел ничего стирать.